

СУДЬБА ГАИМК НА ПЕРЕЛОМЕ: НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО Ф.В. КИПАРИСОВА С.М. КИРОВУ

© 2023 г. Е. Г. Застрожнова (Панкратова)^{1,*}, М. В. Медведева^{2,**}

¹Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: pankratova0484@yandex.ru

**E-mail: marryiam@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.11.2022 г.

После доработки 17.11.2022 г.

Принята к публикации 10.01.2023 г.

В 1934 г. Академия истории материальной культуры – ведущее археологическое учреждение России – оказалась в непростой ситуации. Председатель ГАИМК академик Н.Я. Марр, много лет ее возглавлявший, находился при смерти, и требовалось срочно принять меры для обеспечения успешной работы Академии после его ухода. Для того чтобы сохранить центральные позиции ГАИМК в науке, заместитель председателя Ф.В. Кипарисов посчитал необходимым обратиться к партийному лидеру Ленинграда С.М. Кирову с письмом, в котором просил о личной встрече для обсуждения будущей судьбы Академии и предлагал программу дальнейшего развития учреждения. Черновик письма был составлен в ноябре 1934 г. незадолго до убийства С.М. Кирова, и, вероятно, письмо так и не было отправлено адресату. Документ сохранился в архивной коллекции ГАИМК Научного архива ИИМК РАН. Его полная публикация дает важную новую информацию по истории деятельности ГАИМК в контексте общего развития российской академической науки в сложный период 1930-х годов.

Ключевые слова: Академия истории материальной культуры, история археологии, архивные документы

DOI: 10.31857/S0869606323020204, EDN: RHFMNK

Оценка деятельности Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) Наркомпроса имеет важное значение в понимании процессов институционализации отечественной археологии 1920–1930-х годов. Однако до сих пор остается много белых пятен в истории этого научного института, в том числе отсутствует объективный комплексный анализ последнего, трагического этапа существования Академии в 1934–1936 гг. Между тем, выявление и публикация архивных документов, отражающих деятельность ГАИМК в 1934–1936 гг., позволяют значительно расширить источниковую базу исследования, скорректировать устоявшиеся в советской историографии представления о работах этого ведущего археологического учреждения в 1930-х годах, а также пересмотреть сложившиеся противоречивые представления о роли отдельных ученых как в истории самой Академии, так и в судьбе отечественной археологии в целом.

Работа с архивными документами по истории науки 1930-х гг. требует максимальной тщательности при анализе полученной информации и осторожности в оценках и выводах. Не следует опираться только на материалы кадровых чисток научных учреждений рубежа 1920–1930-х годов, когда поиск классовых врагов приобрел массовый и категоричный характер, а на методических и научных собраниях звучали многочисленные лозунги по разоблачению “вредителей” и “врагов народа”. Архивные материалы подобного рода, наполненные риторикой марксизма и идеологическими установками, не должны рассматриваться как единственный источник объективной информации. Только всесторонний анализ самых различных групп документов – от личной переписки, черновых записок до материалов следственных дел и дел партийного контроля Областных комитетов ВКПб (многие оставались засекреченными до начала 2000-х годов) – даст

Рис. 1. Ф.В. Кипарисов. 1910-е годы. Фото из семейного архива А.А. Волковой-Кипарисовой.

Fig. 1. F.V. Kiparisov. 1910s. Photo from the family archive of A.A. Volkova-Kiparisova

возможность построения наиболее реалистичной картины происходивших тогда событий¹.

В Научном архиве ИИМК РАН в деле “Переписка Ф.В. Кипарисова с С.М. Кировым и другими лицами о работе академии и об изданиях” за 15–22 декабря 1934 г.² сохранился черновик письма заместителя председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисова к Первому секретарю Ленинградского обкома ВКПб С.М. Кирову. Важность данного до-

¹ В данной статье помимо основного источника – черновика письма Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову из Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 2. 1934 г. Д. 260) – были привлечены данные, полученные ранее при работе с архивными документами Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 800), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА. Ф7154. Оп. 1. Д.3), Центрального государственного архива историко-политических документов (Ф. Р-1728. Оп.1. Д. 348293; Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917) и Архива Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УФСБ по СПб и ЛО. П-23819, П-21065).

² Крайние даты дела проставлены на его обложке и даны в момент составления описи рукописного архивного фонда ГАИМК по датированным документам, находящимся внутри дела. Черновик письма Ф.В. Кипарисова С.М. Кирову не датирован, но исторические обстоятельства дают возможность предположить более раннюю начальную дату дела, так как документ составлен не позднее 1 декабря 1934 г.

кумента заключается в том, что письмо было написано в ноябре 1934 г. незадолго до убийства самого С.М. Кирова, произошедшего 1 декабря 1934 г., и смерти председателя ГАИМК Н.Я. Марра 20 декабря 1934 г. – событий, которые повлекли за собой кардинальные изменения в судьбе ГАИМК.

Автор письма Федор Васильевич Кипарисов происходил из семьи профессора Московской Духовной Академии и получил хорошее историко-филологическое образование³. Он родился 17 апреля 1886 г. в г. Сергиев Посад, в 1904 г. окончил Сергиево-Посадскую гимназию, после чего поступил на историко-филологический факультет Московского университета (рис. 1). В университете работал над дипломом на тему “Учение Спинозы и современная психология о психофизическом параллелизме”. Работа не была завершена, так как в 1908 г. Ф.В. Кипарисов был исключен из университета за участие в подпольной организации. В 1911 г. им были сданы экзамены и получено звание учителя Гимназии при МГУ, а в следующем году по протекции профессора Э.Д. Гримма он был зачислен в Санкт-Петербургский университет, где его научным руководителем стал С.А. Жебелёв. Позднее в автобиографии Ф.В. Кипарисов сообщал, что в начале обучения “по предложению профессора Ростовцева была начата медальная работа о фиасах греческих колоний юга России. Она осталась незаконченной, но вместо нее были написаны и опубликованы работы “О горгийской надписи фиаситов” и “Говорах Херсонеса и Оропа” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 5об.; Кипарисов, 1915а; б).

18 января 1929 г. по приглашению Н.Я. Марра он занял пост заместителя председателя ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 5об). Представляется наиболее вероятным, что из-за увольнения с этой должности С.А. Жебелёва после “дела академика Жебелёва” (Тункина, 2000) возникла необходимость взять на эту руководящую должность партийного сотрудника, который вместе с тем “был бы не чужд науке”. Н.Я. Марр к тому времени стал постепенно отходить от административной и научно-организационной работы, поэтому фактически после вступления в должность Ф.В. Кипарисов принял на себя руководство академией. В автобиографии он пишет: “Я пришел в ГАИМК первым коммунистом и непосредственно руководил чисткой и перестройкой академии. Мною приложено много усилий к тому, чтобы подготовить в методологическом отношении лучшую часть беспартийных специалистов” (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 4).

С самого начала своей работы в ГАИМК Ф.В. Кипарисов поставил вопрос о ее важнейшей

³ Подробнее о нем см.: Платонова, 2013; Панкратова (Застрожна), 2020а.

Рис. 2. С.М. Киров. ФО НА ИИМК РАН. Нег. I 34220.

Fig. 2. S.M. Kirov. Photo Department of the Academic Archive at the Institute for the History of Material Culture RAS. Neg. photo I 34220

роли в истории отечественной археологической науки. 11 мая 1929 г. на общем собрании ГАИМК он заявил, что “при нынешнем положении в стране, необходимо централизовать всю археологическую деятельность в рамках академии”. Летом 1929 г. ГАИМК подала в Главнауку записку “О рационализации научно-исследовательских работ в области археологии СССР” (ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 300). Руководство академии предлагало признать ГАИМК центральным научно-исследовательским учреждением, которое должно контролировать всю археологическую работу в рамках одного учреждения.

В начале 1930 г. в академии начала свою работу Рабоче-крестьянская комиссия по чистке научного состава, которую возглавил Ф.В. Кипарисов (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 277. Л. 1). В ходе неизбежной чистки научных кадров были уволены: М.В. Фармаковский, Е.Ч. Скржинская, Н.В. Измайлова, О.А. Магнус, М.А. Тиханова⁴. Однако массовые увольнения не избавили кадро-

⁴ М.А. Тиханова вскоре была вновь принята в ГАИМК (Смирнов, 2013. С. 294).

вый состав ГАИМК от репрессий по “Академическому делу” и “Делу Российской национальной партии” (Панкратова (Застрожнова), 2019б).

В конце 1933 г. из-за постоянно ухудшающегося здоровья Н.Я. Марра появилась необходимость в более четком разграничении обязанностей по руководству академией. Этот вопрос обсуждался 29 января 1934 г. на заседании партийной части президиума ГАИМК⁵. Н.Я. Марр посчитал, что “на ближайшее время необходимо воздержаться от перехода к одному заместителю, нужно пока сохранить двух заместителей” (ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 5). Первым заместителем Н.Я. Марр назначил Ф.В. Кипарисова, которому была поручена административная часть работы.

В тот момент одна из важнейших задач руководства ГАИМК заключалась в сохранении лидирующих позиций академии. Особенно критической ситуация стала осенью 1934 г. ввиду тяжелой болезни и ожидаемой кончины Н.Я. Марра⁶. Судя по всему, в поиске оптимальных вариантов дальнейшего пути развития академии Ф.В. Кипарисовым было принято решение лично обратиться к первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирову (рис. 2). В РО НА ИИМК РАН среди научно-организационных документов Академии истории материальной культуры хранится черновик письма Ф.В. Кипарисова, в котором он просит личного приема для обсуждения судьбы ГАИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф.2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260.) (рис. 3). Документ не датирован, однако очевидно, что он написан до смерти как С.М. Кирова, так и Н.Я. Марра, скорее всего в ноябре 1934 г. По сути, содержание этого письма можно считать программой дальнейшей работы и развития ГАИМК под официальным руководством самого Ф.В. Кипарисова. Черновик письма был составлен в двух вариантах, один из которых не полный (см. Приложение 1)⁷. Поскольку нет никакой информации о том, было ли отправлено данное письмо, сложно предположить, было ли оно официальным, или личным. На основании того, что ранее Ф.В. Кипарисов обращался с личными письмами к высшему партийному руковод-

⁵ Более подробно см.: Панкратова (Застрожнова), 2020б.

⁶ Н.Я. Марр в октябре 1933 г. перенес инсульт, в 1934 г. наступило временное облегчение после болезни, но вернуться к активной научной работе он уже не смог, с весны 1934 г. состояние его только все время ухудшалось (Миханкова, 1949. С. 479, 480, 501, 502).

⁷ В Приложении приведены оба варианта письма с пометками и исправлениями, поскольку сама правка текста письма Ф.В. Кипарисовым крайне показательна для понимания того, на чем пытался он акцентировать внимание высшего партийного руководства.

ству в Москве (ЦГА. Ф. Р-7154. Оп. 1. Д. 3), вполне можно предположить, что и данное письмо предполагалось к отправке как личное послание/сообщение.

Первый вариант письма записан простым карандашом (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 2–6), второй – чернилами, а его окончание отпечатано на машинке (Там же. Л. 8–11)⁸. Второй вариант письма, составленный на основе первого черновика, представляет собой уже более развернутый и структурно проработанный документ. В том же деле подшито несколько заметок, где Ф.В. Кипарисов наметил темы, о которых планировал написать С.М. Кирову. Главными пунктами в них значились – судьба Академии после смерти Н.Я. Марра, создание его научно-исследовательского кабинета и сохранение архива ученого (в первом варианте), значение и возможность деятельности Академии за границей, развитие Института исторической технологии, вопросы издания источников и исторической газеты, помощь школе и подготовка учебников, работа московского отделения ГАИМК, бюджет учреждения на следующий год и условия работы (Там же. Л. 1, 7, 19). И действительно, в самом тексте письма Ф.В. Кипарисов старался следовать наметченному плану.

В первую очередь обращает на себя внимание просьба о личной встрече с С.М. Кировым для непосредственного обсуждения дальнейшей работы ГАИМК после ожидаемой смерти Н.Я. Марра. Ф.В. Кипарисов писал, что “настал момент, когда вопрос об Академии должен быть поставлен во всем его объеме, ... и о дальнейшей ее работе должно быть принято четкое решение, определяющее окончательно ее дальнейшую судьбу” (Там же. Л. 9). Он открыто высказывал беспокойство о судьбе ГАИМК ввиду переезда АН СССР в Москву: “дело может принять такой оборот (тенденции к тому есть), что мы потеряем даже то, что академией достигнуто” (Там же. Л. 8). Ф.В. Кипарисов подчеркивал в письме исключительную роль академии в деле развития советской науки и указывал, что комплексное изучение и анализ всех групп источников на методологической основе марксизма-ленинизма, применяемые специалистами Академии, делало ее единственным научным учреждением подобного рода на территории Советского Союза. Особо Ф.В. Кипарисов отметил и исключительное влияние на этот процесс со стороны бессменного руководителя академии – Н.Я. Марра, который наряду “с кропотливейшим

изучением всех фактических деталей, и беспощадной борьбы с буржуазными историческими течениями и концепциями” допускал и “осторожно-критического освоение буржуазного научного наследия” (Там же. Л. 10). Однако абзац с данной формулировкой был затем зачеркнут Ф.В. Кипарисовым и исправлен на более нейтральный: исследование исторических проблем проводилось Н.Я. Марром “на основе кропотливейшего анализа источников, с применением лучших достижений буржуазной науки в линии техники исследования и беспощадной борьбой с ее идеалистическими концепциями с позиций марсистско-ленинской методологии” (Там же). В связи с этим Ф.В. Кипарисов отмечал, что одной из основных задач Академии должна была стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников «по древнейшей истории нашей социалистической родины с их параллельным переводом на русский язык, “сводящая воедино эти источники”». По мнению Ф.В. Кипарисова, такая работа “не имела себе подобной в дореволюционной России” и была бы “в полном смысле слова достижением науки советской” (Там же).

Особое внимание он уделит кадровому вопросу ГАИМК: “в настоящее время, в Академии, в отношении кадров сконцентрировано все живое и творческое, что имеется у нас как в части старых специалистов, так и в части молодых научных кадров советской формации” (Там же. Л. 11). На эту фразу следует обратить особое внимание, поскольку в отличие от обвинительных публикаций постсоветского периода (см., например: Формозов, 2006), приписывающих Ф.В. Кипарисову далеко не самую положительную роль в судьбе Академии и ее специалистов, существуют современные исследования, которые на основании введенных в научный оборот архивных документов, прямо указывают на крайне осмотрительную, далекую от “партийного фанатизма” деятельность Ф.В. Кипарисова, пытавшегося сохранить кадровый состав академии во время партийных чисток (Платонова, 2013; 2018; Панкратова, 2020а). Это подтверждается и следующими строками из рассматриваемого письма: “совместная работа старых специалистов и начинающих советских ученых оказывается взаимно оплодотворяющей: старые ученые входят в понимание теоретических проблем марксистской исторической науки, а молодые учатся у старых специалистов уметь исследовать материал и технике исследовательской работы” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 11). Действительно, в штате ГАИМК, несмотря на чистки и увольнения, в 1930-х годах сохранялся ряд выдающихся специалистов дореволюционной школы: С.А. Жебелёв (Тункина, 2000), М.В. Фармаков-

⁸ Черновик письма написан на оборотах бланков Яфетического института АН СССР и на оборотах страниц и разрезанной на фрагменты карты из издания К. Шик, И. Бенцингер Ближайшие окрестности Иерусалима. Карты. Leipzig: Wagner und Debes, вероятно, происходящего из материалов Православного Палестинского общества.

ский⁹, К.К. Романов¹⁰, Н.И. Репников, В.В. Гольмстен, Б.Л. Богаевский, С.И. Ковалев, П.П. Ефименко. В дальнейшем именно обвинения в том, что Ф.В. Кипарисов пытается “спасти и укрыть объявленных чужаков и антисоветчиков” и стали одним из основных лейтмотивов поданного в 1935 г. доноса на всю академию бывшим аспирантом ГАИМК В.Ф. Зыбковцом (Панкратова, Смирнов, 2022)¹¹.

Еще в одном пункте письма С.М. Кирову Ф.В. Кипарисов указывал на необходимость дальнейшего развития и поддержания международных научных связей академии “и в стане буржуазной историографии, не уступая последней в технике исследовательской работы и далеко превосходя ее в теоретическом понимании исторических явлений”. Продолжение и поддержание международной научной работы ГАИМК были необходимы, так как “благодаря своим изданиям, часто выпускаемым на английском, немецком, французском языках, они пользуются широкой известностью за границей — около ста научных учреждений обмениваются и состоят в научной переписке с Академией”. В подобной популярности Академии за границей он усматривал политическое значение, доказывающее высокий научный уровень научных исследований СССР “даже по таким областям, как история древнего мира и средних веков” (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Л. 6).

Последним пунктом предполагалось активное участие сотрудников ГАИМК в общеобразовательной деятельности на территории СССР путем разработки исторических справочников, попу-

лярных исторических книг для чтения, а также организацией циклов лекций по истории первобытного общества, древнего мира и средних веков (Там же. Л. 2). Ф.В. Кипарисов отмечал, что “в настоящее время Академия разрабатывает план выпуска исторических пособий для школы и поставила перед Наркомпросом вопрос о разрешении ей издавать специальный массовый бюллетень, в котором нашли бы широкое освещение вопросы исторической науки, преподавания истории в высшей и средней школе, всесторонняя информация о состоянии исторической науки у нас и за границей, о новых открытиях, раскопках, исторических музеях, новых исторических изданиях” (Там же).

Установить, было ли когда-нибудь отправлено это письмо, черновик которого сохранился в архиве ИИМК РАН, пока не представляется возможным. Во всяком случае в архивных документах Академии истории материальной культуры этому не находится документальных подтверждений. И даже если письмо все-таки было отправлено адресату и тот успел с ним ознакомиться, то оно не сыграло той важной роли, на которую рассчитывал его автор.

Убийство 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова и смерть 20 декабря Н.Я. Марра поставили ГАИМК в крайне уязвимое положение. Помимо потери официального руководителя, который много лет возглавлял Академию и к которому очень лояльно относилось советское правительство, что во многом обеспечило расцвет научной деятельности учреждения в 1920-е годы, начиналась волна массовых репрессий по отношению к участникам “сети троцкистско-зиновьевских террористических организаций”. 16 августа 1936 г. был подписан ордер, а 27 августа состоялся арест Ф.В. Кипарисова, как одного из участников “террористической организации ГАИМК” (Панкратова, 2019а). Приказ о снятии его с занимаемой должности был подписан 11 сентября 1936 г., а через несколько дней из сотрудников ГАИМК была сформирована комиссия для изъятия документов из его квартиры по адресу ул. Халтурина (Миллионная), дом 5, квартира 5. В итоговом акте среди прочих изъятых документов важно отметить черновик письма Ф.В. Кипарисова к И.В. Сталину и отпуск письма к А.А. Жданову¹² (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936 г. Д. 170. Л. 31). Вполне вероятно, что после убийства С.М. Кирова председатель ГАИМК не оставил попыток обращений к высшему партийному руководству с просьбой о сохранении роли Академии и ее кадрового состава в отечественной науке. Однако все эти действия, очевидно, не имели результата — в ходе следственных мероприятий, проводимых вплоть

⁹ После ссылки вернулся к работе в ГАИМК (Виноградов, Шауб, 2022. С. 702).

¹⁰ Подвергся общественному порицанию, был смещен с должности заведующего Разрядом, но продолжал работать по различным проектам ГАИМК вплоть до начала Второй мировой войны (Медведева, 2022. С. 183–187).

¹¹ По документам также известно, что Ф.В. Кипарисов принимал участие и в судьбе молодых специалистов ГАИМК. 24 августа 1934 г. Приказом по управлению институтами и НИИ учреждений НКП РСФСР Ф.В. Кипарисову было поставлено на вид составление слишком формальной характеристики на аспиранта А.Х. Маргуланова и обращено внимание на необходимость тщательного изучения аспирантов с академической и политической стороны (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3.) В 1934 г. один из партийных лидеров ГАИМК А.Г. Пригожин в ходе обострения отношений с Ф.В. Кипарисовым неоднократно высказывался на партийных собраниях о “гнилом либерализме” последнего, приводя пример, что “аспирантка И.Д. Марченко была избалована в связи с братом и сестрой, находящимися в концлагерях, комсомол постановил ее исключить, но отчислена она не была. В докладах в ГАИМК... ясна ориентировка Кипарисова на беспартийных специалистов”. (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 70). На одном из своих допросов, арестованный в ноябре 1938 г. О.О. Крюгер показал, что Ф.В. Кипарисов “поддерживал и защищал реакционных ученых, оказавшихся впоследствии репрессированными органами Советской власти” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-21065. Л. 19).

¹² К сожалению, содержание и местонахождение этих писем неизвестно.

до 19 декабря 1936 г., Ленинградским УНКВД было подготовлено обвинительное заключение и состоялся суд по обвинению Ф.В. Кипарисова и осужденных вместе с ним С.Н. Быковского, М.Г. Худякова и В.С. Адрианова в подготовке “ряда террористических актов по отношению к руководству ВКП(б)” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819. Т. 1. Л. 29), на котором все четверо были приговорены к расстрелу, состоявшемуся в тот же день¹³. Также были арестованы, высланы из Ленинграда или заключены в исправительно-трудовые лагеря многие сотрудники ГАИМК. Само учреждение потеряло самостоятельный статус и в 1937 г. вошло в состав АН СССР на правах рядового института с переименованием в Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). В дальнейшем именно на основе ГАИМК были сформированы два крупнейших современных центра отечественной археологии – Институт истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге и Институт археологии РАН в Москве.

Подводя итог, можно заключить, что Ф.В. Кипарисов прекрасно осознавал важность сохранения позиций ГАИМК как ленинградского академического учреждения международного уровня, поддерживающего научные связи с зарубежной наукой, издающего издания на иностранных языках и осуществляющего их обмен. Важным аспектом являются четко обозначенные попытки сохранения кадрового состава академии, актуализация ценности “старых специалистов” в их сотрудничестве с новым поколением “историков-марксистов”.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00063 “Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)”.

Приложение

Дорогой г[оварищ] Киров!

Мы позволяем себе обратиться к Вам с просьбой принять нас¹⁴ по вопросам, ~~связанным с работой Государственной академии истории материальной культуры~~¹⁵ о дальнейшей работе Государ-

¹³ 27 июня 1957 г. Определением Военной коллегии Верховного суда было постановлено, что Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков и В.С. Адрианов были привлечены к уголовной ответственности и осуждены необоснованно, “так как в результате дополнительной проверки, проведенной по их делам, вскрыты новые обстоятельства, опровергающие предъявленные им обвинения” (Архив УФСБ по СПб и ЛО. Т. 1-7. П-23819). Приговор был отменен, а уголовное дело прекращено, за отсутствием состава преступления.

¹⁴ Ф.В. Кипарисов просит о личном приеме “нас”, вероятно, предполагался его визит с кем-то из сотрудников ГАИМК.

ственной академии материальной культуры ввиду следующих обстоятельств:

1. Положение председателя Академии Николая Яковлевича Марра, признано не который тяжело болен вот уже свыше года, признано не только ~~совершенно~~ безнадежным, но и внушающим опасение в отношении заставляющем думать о возможном наступлении конца в самом непродолжительном времени; возможно, что это – вопрос дней.

2. ~~Есть опасность, если к этому не подготовиться немедленно.~~ В связи с этим встает вопрос о дальнейшей работе Академии материальной культуры, которая в течение полутора десятков лет так тесно и органически была связана со всей работой этого величайшего ученого и мыслителя, ~~мы считаем своим долгом честно отметить~~ и которая благодаря ему и его работам приобрела специфический характер, делающий ее сейчас единственным учреждением такого типа в нашей стране. Основное здесь – организация углубленной марксистской научно-исследовательской работы на базе всестороннего комплексного изучения исторических, источников всех видов

– ~~вещественных (археологических), языковых (лингвистических)~~

– вещественных (археологических), языковых, письменно-документальных, этнографических. Этот характер работы, по нашему убеждению, должен быть сохранен <...>; он большое достижение именно советской науки, не имеющее аналогий в странах капиталистического мира.

3. В Академии материальной культуры должен быть организован особый научно-исследовательский кабинет им. Н.Я. Марра¹⁶, в котором должны быть сосредоточены: все его работы, печатавшиеся в течение почти полувека на многих языках, его личная библиотека (совершенно исключительного состава и значения), его архив, в котором имеются ряд неопубликованных и, несомненно, долженствующих быть опубликованными рукописей по языкознанию, истории грузинской и армянской литературы, кавказоведению и т.д. Задача кабинета – работа над этим огромным литературным наследством Н.Я. Марра и использование совершенно неисчерпаемых собранных им материалов ~~но теоретическим во-~~

¹⁵ Здесь и далее зачеркнуто в соответствии с оригинальным текстом, курсивом помечены вычеркнутые Ф.В. Кипарисовым фрагменты текста.

¹⁶ Научно-исследовательский кабинет Н.Я. Марра был создан после его смерти в Академии истории материальной культуры, курсивом до 1951 г., после чего материалы были переданы в Архив АН СССР (в настоящее время – Ф. 800. Оп. 1-8 в составе СПбФ АРАН). Заведовала кабинетом имени Н.Я. Марра вплоть до передачи материалов В.А. Миханкова, личный секретарь и помощник Н.Я. Марра (Миханкова, 1947).

просам в интересах развития *марксистско-ленинско-научной* научной работы в СССР.

4. Одной из основных задач Академии должна стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников по древнейшей истории нашей социалистической родины — арабские, греческие, византийские, персидские и т.д. с их параллельным переводом на русский язык.

4. Одной из основных задач Академии должна стать исключительно сложная и ответственная работа по изданию источников по древнейшей истории нашей социалистической родины — арабские, греческие, византийские, персидские и т.д. с их параллельным переводом на русский язык. Эта работа, сводящая воедино эти источники, не имела себе подобной в дореволюционной России и будет в полном смысле слова достижением науки советской. Аналогии такому изданию можно указать только в нескольких передовых странах Европы — например, замечательное многотомнейшее издание источников по истории Германии. Это издание, несомненно, с самого начала станет международным, Академия располагает достаточными данными, чтобы справиться с этой задачей — отметим хотя бы то, что в составе своих научных специалистов Академия располагает знанием более чем двух десятков языков, среди которых такие, как арабский, персидский, древнегреческий, пехлевийский, древнеармянский, халдский и т.д.

5. Академия, благодаря своим изданиям, часто выпускаемых на английском, немецком, французском языках, пользуется широкой известностью за границей — около ста научных учреждений обмениваются и состоят в научной переписке с Академией — даже в таких странах, как Египет, <...> Австралия, не говоря о Европе и Америке. Это обстоятельство накладывает на нас особые обязательства — не уступать за границе в технике нашей работы, внешнем качестве изданий, *технической* скрупулезной точности их научно-технического аппарата и т.д. Академия должна дальше развивать свои международные научные связи и в стане буржуазной историографии высоко держать *знамя* <...> достоинство советской исторической науки, не уступая последней в технике *исторической* исследовательской работы и далеко превосходя ее в теоретическом <...> понимании исторических явлений.

6. Наряду со своей исследовательской работой Академия должна широко развить работу в помощь историку-преподавателю средней школы, выпустив ряд исторических справочников, популярных исторических книг для чтения, и серьезно поставив в ежемесячном журнале Академии недавно введенный отдел в помощь историку-преподавателю средней школы, а также организова-

циклы лекций по истории первобытного общества, древнего мира и средних веков.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1.1934 г. Д. 260. Лл. 3-7
Автограф
Карандаш

Уважаемый т[оварищ] Киров!

Ряд обстоятельств заставляет нас *обратиться к вам с просьбой принять* просить Вас о приеме нас по вопросу о *дальнейшей* работе Государственной Академии истории материальной культуры. Председатель Академии, Н.Я. Марр, вот уже больше года тяжело и безнадежно болен; сейчас его состояние таково, что развязки возможно ожидать каждый день и даже каждый час. Переезд Академии наук в Москву невольно выдвигает вопрос о дальнейшей работе Академии истории материальной культуры, остающийся ныне в *Ленинграде* уже на положении одного из ответственных учреждений научных учреждений *города Ленина* Ленинграда. По нашему глубокому убеждению, *Академия* при выполнении научных, *совершенно* вполне осуществимых условий она, проделавшая в последние годы большую и эффективную работу, может стать в ближайшие два-три года одним из лучших и образцовых научно-исследовательских учреждений Советского Союза, научно и политически достойным города Ленина. Вместе с тем, дело может принять и такой оборот (тенденции к тому есть), что мы потеряем даже то, что Академией достигнуто. Вот почему мы считаем, что настал момент, когда вопрос об Академии должен быть поставлен во всем его объеме, *и о ней должно быть принято* и о дальнейшей ее работе должно быть принято четкое и *ответственное* решение, *долженствующее* определить окончательно ее дальнейшую судьбу.

Чтобы быть кратким излагаем Основные моменты в следующих по сути (для краткости излагаем в тезисной форме):

1. *Академия, имеющая своей задачей комплексное изучение на марксистско-ленинской методологической основе истории докапиталистического периода истории человечества (первобытной культуры, древнего мира и средневековья) на основе по самым разнообразным источникам (вещественным, письменным, языковым, этнографическим и т.д.), не имеет себе является единственным в Советском союзе учреждением этого рода, могущим сыграть исключительную роль в деле развития советской исторической науки.*

1. Академия, имеющая своей задачей комплексное изучение по самым разнообразным источникам (вещественным, письменным, языковым, этнографическим и т.д.) докапиталистического периода истории человечества (первобытной культуры, древнего мира и средневековья) на новой методологической основе марксизма-ленинизма, является единственным в Советском Союзе учреждением

ем подобного рода, могущим сыграть большую роль в деле развития советской исторической науки.

2. *Многолетнее руководство Академией наложило со стороны Н.Я. Марра, величайшего ученого нашей эпохи, наложило большую и яркую печать на всю работу Академии — печать исключительной глубины исследования, постановки больших исследовательских проблем, наряду с кропотливейшим изучением всех фактических деталей, и беспощадной борьбы с буржуазными историческими течениями и концепциями, одновременно, использования иногда блестящей техники исследовательской работы и осторожно-критического освоения буржуазного научного наследия. Именно от Н.Я. Марра, блестящего лингвиста, филолога, археолога, этнографа и историка, ведет свое происхождение*

2. (Написано красными чернилами. — Е.З., М.В.) Многолетнее руководство Академией со стороны такого ученого, как Н.Я. Марр, наложило большую и яркую печать на всю работу Академии — печать углубленного всестороннего исследования больших исторических проблем на основе кропотливейшего анализа источников, с применением лучших достижений буржуазной науки в линии техники исследования и беспощадной борьбой с ее идеалистическими концепциями с позиций марксистско-ленинской методологии. Этот характер работы должен быть сохранен и должен... (Пропущен фрагмент текста. — Е.З., М.В.)

3. В настоящее время, в Академии, в отношении кадров сконцентрировано все живое и творческое, что имеется у нас как в части старых специалистов, так и в части молодых научных кадров советской формации, работающих по докапиталистическому периоду человеческой истории. Эта совместная работа старых специалистов и начинающих советских ученых оказывается взаимно оплодотворяющей: старые ученые входят в понимание теоретических проблем марксистской исторической науки, а молодые учатся у старых специалистов умению исследовать материал и технике исследовательской работы. Для характеристики квалификации научных кадров Академии можно указать, что Академия, в лице своих научных работников, располагает знанием десятков языков, в том числе таких, как арабский, персидский, халдский, греческий, китайский, пехлевийский, древнеармянский, древнегрузинский, древнеавилонский, древнеегипетский и т.д.

4. За последние год-полтора Академия вышла на широкую международную арену. В настоящее время Академия связана более чем со ста научными учреждениями за границей, даже с такими отдаленными странами, как Соединенные Штаты, Египет и Австралия, установив с этими учреждениями обмен изданиями и разнообразную переписку по библиографическим и другим вопросам.

Отклики на издания Академии имеются в целом ряде самых крупных и авторитетных специальных журналов Европы. Не так давно в одном заграничном журнале был даже помещен сводный обзор ряда работ Академии. Эта популярность Академии за границей имеет, несомненно, и политическое значение, показывая, как широко ставится научное исследование в Советской России даже по таким областям, как история древнего мира и средних веков.

5. Одной из важнейших задач Академии на ближайшее время является несомненно научное издание источников по древнейшей истории СССР (арабских, персидских, греческих, византийских, скандинавских, армянских и т.д., и т.д.). Для нас не подлежит сомнению, что Академия в состоянии поднять эту задачу и поставить (в течение ряда лет, конечно) это издание на должную высоту в отношении научности и техники оформления.

6. Насущной задачей является укрепление и дальнейшее развитие находящегося в составе Академии Института исторической технологии, единственного учреждения в СССР (аналогично нет даже за границей), которое разрабатывает вопросы исторической технологии реставрации и консервации вещественных материалов прошлого¹⁷. Работа Института, как показывает опыт, может иметь и прямое значение для практики нашего хозяйственного строительства (Например, изучение древних металлов, находимых при археологических раскопках, дает указание о их географии, иногда эффективно дополняющее непосредственные геолого-разведочные работы).

7. Академия, в порядке своего общественного долга перед советской школой, развертывает немалую работу в помощь школе. Издавая исследовательский исторический журнал, Академия ввела в нем специальный отдел "В помощь педагогам-историкам", в котором дает статьи, материалы и всякого рода справочные сведения по наиболее трудным и наименее знакомым педагогам вопросам. Академия организовала цикл лекций по истории древнего мира и средневековья для педагогов Ленинградской области. В настоящее время Академия разрабатывает план выпуска исторических пособий для школы и поставила перед Наркомпросом вопрос о разрешении ей издавать специальный массовый бюллетень, в котором нашли бы широкое освещение вопросы исторической науки, преподавания истории в высшей и средней школе всесторонняя информация о состоянии исторической науки у нас и за границей, о новых открытиях, раскопках, исторических музеях, новых исторических изданиях и т.д., и т.д.

¹⁷ О деятельности Института исторической технологии ГАИМК см. Платонова, 2018.

Изложенные, лишь основные вопросы могут быть успешно разрешены, и Академия может стать одним из серьезнейших научных учреждений СССР лишь при условии соответственного к ней внимания со стороны советских и партийных организаций.

*Публикуется впервые
Автограф, машинопись*

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934 г. Д. 260. Лл. 8–11

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / Науч. ред., сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 709–726.
- Кипарисов Ф.В.* Заметки о говорах Херонеи и Оропа // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1915а. Ч. 9. № 12 (декабрь). С. 520–542.
- Кипарисов Ф.В.* К горгиппийской надписи фиаситов // Журнал Министерства народного просвещения. 1915б. Ч. 57. № 6 (июнь). С. 283–285.
- Медведева М.В.* Константин Константинович Романов (1882–1942) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 167–189.
- Миханкова В.А.* Работа кабинета Н.Я. Марра за 1936–1944 гг. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XV. С. 77–86.
- Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 555.
- Панкратова Е.Г.* “Террористическая организация ГАИМК” (1936 г.): обзор материалов архивно-следственного дела // Очерки истории отечественной археологии. Вып. V / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019а. С. 263–276.
- Панкратова (Застрожнова) Е.Г.* “Я не верю, что все окончится плохо, это было бы слишком несправедливо...”: к биографии археолога Г.И. Боровки (по материалам следственного дела) // Российская археология. 2019б. № 2. С. 154–166.
- Панкратова (Застрожнова) Е.Г.* Последний председатель ГАИМК – Ф.В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // Вестник древней истории. 2020а. № 3. С. 698–722.
- Панкратова (Застрожнова) Е.Г.* К биографии “руководителя террористической организации ГАИМК” А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) // Археологические вести. 2020б. Вып. 29. С. 376–384.
- Панкратова (Застрожнова) Е.Г., Смирнов Н.Ю.* К истории ликвидации ГАИМК: “Заявление” В.Ф. Зыбковца А.А. Жданову // Российская археология. 2022. № 1. С. 174–188.
- Платонова Н.И.* Федор Васильевич Кипарисов // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 19–22.
- Платонова Н.И.* Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 285–293.
- Смирнов Н.Ю.* Заметки М.А. Тихановой по истории РАИМК-ГАИМК в 1920–1930-е гг. (Публикация полного текста статьи 1980 г.) // Археологические вести. 2013. Вып. 19. С. 292–300.
- Тункина И.В.* “Дело” академика Жебелева // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Вып. 2 / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Алтейя, 2000 (Bibliotheca classica Petropolitana). С. 116–160.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. С. 344.
- Шик К., Бенцингер И.* Ближайшие окрестности Иерусалима. Карты. Leipzig: Wagner und Debes, 1920.

THE FATE OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE AT THE TURNING POINT: AN UNDISPATCHED LETTER OF F.V. KIPARISOV TO S.M. KIROV

Evgenia G. Zastrozhnova (Pankratova)^{a, #}, Maria V. Medvedeva^{b, ##}

^aSt. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, St. Petersburg, Russia

^bInstitute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg, Russia

[#]E-mail: pankratova0484@yandex.ru

^{##}E-mail: marryiam@yandex.ru

In 1934, the Academy for the History of Material Culture (SAHMC), a leading archaeological institution of Russia, faced a challenge. The Chairman of SAHMC, Academician Nikolai Ya. Marr, who had headed it for many years, was dying, and urgent measures had to be taken to ensure successful work of the Academy after his death. Deputy Chairman F.V. Kiparisov decided to address a letter to the party leader of Leningrad Sergey Kirov in order to secure the leading positions of SAHMC in science; he asked for a personal appointment with Kirov to discuss the future of the Academy and proposed a programme for further development of the insti-

tution. The drafts of the letter were prepared in November 1934, shortly before the assassination of S.M. Kirov, but the letter itself was probably never sent to the addressee. The papers are kept in the archival collection of SAHMC at Archives of the Institute for the History of Material Culture RAS. Its full publication will provide important new information on the history of SAHMC activities in the context of the general development of Russian academic science during the troubled period of the 1930s.

Keywords: Academy for the History of Material Culture, history of archaeology, archival documents.

REFERENCES

- Formozov A.A., 2006. Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki [Russian archaeologists during the totalitarian period. Historiographic essays]. Moscow: Znak. 344 p.
- Kiparisov F.V., 1915a. Notes on the dialects of Chaeronea and Oropos. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Education. New Series], part. 9, no. 12, pp. 520–542. (In Russ.)
- Kiparisov F.V., 1915b. To the Gorgippian inscription of the Fiasites. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], part. 57, no. 6, pp. 283–285. (In Russ.)
- Medvedeva M.V., 2022. Konstantin Konstantinovich Romanov (1882–1942). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku: kollektivnaya monografiya* [The founding fathers of the Russian Academy for the History of Material Culture: their life path and contribution to science: Joint monograph]. V.A. Goroncharovskiy, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 167–189. (In Russ.)
- Mikhankova V.A., 1947. Activities of the N.Ya. Marr's workshop for 1936–1944. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief communications of the Institute for the History of Material Culture], XV, pp. 77–86. (In Russ.)
- Mikhankova V.A., 1949. Nikolay Yakovlevich Marr: Ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti [Nikolai Yakovlevich Marr: Essay on his life and scientific activity]. 3rd edition. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 555 p.
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2019b. “I don't believe all this could go bad, it would be too unfair ...”: to the biography of the archaeologist G.I. Borovka (based on investigation file materials). *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 2, pp. 154–166. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2020a. The last Chairman of the State Academy for Material Culture F.V. Kiparisov (new materials for biography). *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 3, pp. 698–722. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., 2020b. To the biography of the “head of the terrorist organization of the GAMK” A.G. Prigozhin (based on materials from archive and investigation file). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 29, pp. 376–384. (In Russ.)
- Pankratova (Zastrozhnova) E.G., Smirnov N.Yu., 2022. To the history of the liquidation of the GAIMK: “statement” of V.F. Zybkovets to A.A. Zhdanov. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archaeology], 1, pp. 174–188. (In Russ.)
- Pankratova E.G., 2019a. “The terrorist organization of the GAMK” (1936): Overview of investigation file archives. *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Studies in the history of Russian archaeology], 5. I.A. Sorokina, ed. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk, pp. 263–276. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2013. Fedor Vasilievich Kiparisov. *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic archaeology on the banks of the Neva (from the Russian Academy for Material Culture to the Institute for the History of Material Culture RAS, 1919–2014)]. E.N. Nosov, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 19–22. (In Russ.)
- Platonova N.I., 2018. Studies in the field of archaeological technology in the Russian Academy for the History of Material Culture/State Academy for Material Culture (1920–1930s). *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vatslavny Dluzhnevskoy)* [Monuments of archaeology in research and photographs (in memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)]. N.Yu. Smirnov, ed. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 285–293. (In Russ.)
- Shik K., Bentsinger I., 1920. Blizhayshie okrestnosti Ierusalima [The nearest vicinity of Jerusalem]. Karty. Leipzig: Wagner und Debes.
- Smirnov N.Yu., 2013. Notes of M.A. Tikhonova on the history of RAIMK–GAIMK in the 1920–1930s (Publication of the full text of the 1980 article). *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news], 19, pp. 292–300. (In Russ.)
- Tunkina I.V., 2000. “The case” of Academician Zhebelev. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient world and we: Classical heritage in Europe and Russia], 2. A.K. Gavrilov, ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 116–160. (Bibliotheca classica Petropolitana). (In Russ.)
- Vinogradov Yu.A., Shaub I.Yu., 2022. Mstislav Vladimirovich Farmakovskiy (1873–1946). *Ottsy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznenny put' i vklad v nauku: kollektivnaya monografiya* [The founding fathers of the Russian Academy for the History of Material Culture: their life path and contribution to science: Joint monograph]. V.A. Goroncharovskiy, ed., comp. St. Petersburg: Institut istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 709–726. (In Russ.)